

Научная статья

УДК 81.1: 821.16

DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-205-224

**О совершенстве «несовершенных» языков
(по страницам текстов славяноязычных авторов)**

Елена Евгеньевна Бразговская

Русская христианская гуманитарная академия

имени Ф. М. Достоевского

Санкт-Петербург, Россия

elena.brazgowska@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5191-5188>

Аннотация

В дискурсе современных когнитивных исследований понятие семиотического совершенства выходит за рамки мифа о языке Адама. В статье предложен альтернативный (по отношению к мистикам Ренессанса) взгляд на эту проблему. Объект анализа – система представлений о совершенном языке в текстах славяноязычных авторов XX–XXI вв. (Ч. Милоша, О. Токарчук, С. Лема и др.). Новизна работы определяется пониманием семиотического совершенства, где оптимальность знаковой системы противопоставлена абсолютной репрезентации. Язык Адама рассматривается как теоретический конструкт, созданный методом моделирования возможных объектов. Анализ критериев его репрезентативного «совершенства» (отсутствие «семиотического порога» между языком и миром, однозначное замещение референта и др.) позволяет сделать вывод о языке Адама как «лингвистическом нонсенсе», противоречащем развитию форм человеческого мышления и культуры как таковой. Напротив, параметры репрезентативной «недостаточности» естественных языков, оборачиваются доказательством их семиотического совершенства. Среди показателей семиотической оптимальности – вероятностная природа языка, его креативный потенциал, дополнительность вербальных и невербальных систем, феномен

© Бразговская Е. Е., 2025

«расширенного сознания». Идеал знаковой репрезентации не утрачен после Вавилона: история культуры есть история совершенствования инструментов языка.

Ключевые слова

семиотическое совершенство, адамический язык, репрезентация, семиотическая оптимальность

Для цитирования

Бразговская Е. Е. О совершенстве «несовершенных» языков (по страницам текстов славяноязычных авторов) // Критика и семиотика. 2025. № 2. С. 205–224. DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-205-224

On the Perfection of “Imperfect” Languages (Based on the Pages of Texts by Slavic-Speaking Authors)

Elena E. Brazgovskaya

Russian Christian Academy for Humanities

named after Fyodor Dostoevsky

St. Petersburg, Russian Federation

elena.brazgowska@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5191-5188>

Abstract

In the discourse of modern cognitive-semiotic studies, the concept of semiotic perfection goes far beyond the myth of the language of Adam. In this paper, I present an alternative (in relation to the mystics of the Renaissance) view on this problem. I analyse the system of ideas about the perfect language in the texts of Slavic-language authors of the 20th – 21st centuries (Cz. Miłosz, O. Tokarczuk, S. Lem, M. Pavič, etc.). The novelty of the work is determined by the understanding of semiotic perfection, where the semiotic optimality of the sign system is opposed to absolute representation. Adamic language is considered as a theoretical construct which is created by the method of possible objects modelling. I show the criteria of semiotics “perfection” of this language: the absence of a “semiotic threshold” between language and the world (language as a “mirror” of reality), a single-variant substitution of the referent, etc. An analysis of these criteria within the framework of the pragmatics allows concluding that the language of Adam is a “linguistic nonsense”. The representative capabilities of the Adamic language contradict the development of forms of human thinking and culture as such. An analysis of the representative potential of the current state of verbal systems leads to the next conclusion: those attributes of natural languages that, at first glance, indicate their semiotic “insufficiency”, turn out to be evidence of their semiotic perfection. Among the parameters of semiotic optimality: the probabilistic

nature of language, its creative potential, complementarity of verbal and non-verbal systems, the phenomenon of “extended consciousness”. The ideal of sign representation was not lost after Babylon: the history of culture is the history of the improvement of language tools.

Keywords

semiotic perfection, Adamic language, representation, semiotic optimality

For citation

Brazgovskaya E. E. On the Perfection of “Imperfect” Languages (Based on the Pages of Texts by Slavic-Speaking Authors). *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2025, no. 2, pp. 205–224. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-205-224

**Постановка проблемы,
цель и материал исследования**

Основное направление статьи связано с идеей совершенного языка. В интеллектуальной истории он ассоциируется прежде всего с адамическим языком, который современные академические мыслители включают в категорию химер. Делая допущения о структуре и репрезентативном потенциале языка Адама, ученый вынужденно работает лишь со «свидетельствами» его существования («Книгой Бытия», мифологиями), следствием чего становится вопрос о степени научности такого рода изысканий. По С. Лему, для занятий интеллектуальными авантюрами «у нас нет ни хорошего компаса, ни карты»: научные методы исследования не применимы к тому, что объективно не существует [Лем, 2005а, с. 284]. И всё же, «изучая иллюзии, можно открыть нечто реальное» [Эко, 2007; 2019, с. 9]. Например, предложить альтернативное (по отношению к мистикам Ренессанса) понимание семиотического совершенства.

Вопрос о «совершенном» языке рассматривается в рамках трех взаимосвязанных дискурсов. Прежде всего это попытки обнаружения и воссоздания адамического языка, который, с точки зрения мистиков Ренессанса, был истинным «зеркалом» мира, отражавшим не только форму, но и сущность вещей [Карабыков, 2022]. Поиски совершенного языка в европейской культуре включают в себя также историю создания искусственных знаковых систем – апостериорных и априорных. И она кажется более реалистичной, ведь их авторство принадлежит человеку, не Богу [Эко, 2007; Carapezza, D’Agostino, 2010]. И третья ветвь исследований семиотического совершенства связана с когнитивным анализом знаковых систем. Здесь репрезентативное «несовершенство» словесного языка и дополнитель-

ность вербальных и невербальных форм коммуникации рассматриваются как наиболее оптимальные факторы, продолжающие определять развитие человека в фило- и онтогенезе.

Объект моего исследования – система представлений о семиотическом совершенстве в текстах славяноязычных авторов XX–XXI вв. Исходным *материалом* анализа стали отзвуки проблемы знаковой репрезентации в текстах Ольги Токарчук, Чеслава Милоша, Виславы Шимборской, Станислава Лема, Милорада Павича и Венко Андоновского. Предмет моего внимания – это картография идей, а не лингвостилистические аспекты привлекаемых литературных источников¹.

Несколько положений, позволяющих обосновать выбор материала. Что такого, не известного лингвистам, могут сказать о совершенстве или несовершенстве знаковых систем поэты? Как правило, это так называемые поэты-*doctus*, мыслящие «вне рамок дисциплинарной матрицы» и работающие на стыке филологии, философии и поэзии. Вот почему они обладают о языке иным, нежели «узкие» лингвисты, знанием [Rorty, 1982, p. 139–141; Хамахер, 2020, с. 9] и способны выполнять роль «антенн», улавливающих идеи в ожидании тех, кто их воспримет, подхватит и продолжит [Либера, 2004, с. 30, 35]. Литература ставит вопросы, отправляя их в культуру «наугад», без конкретного адресата. Они могут стать объектом «искушения» для лингвиста и философа, точкой бифуркации интеллектуальной истории.

Отчасти *новизна* работы определяется материалом исследования, который позволяет привлечь внимание к лингвоцентричности современных славяноязычных авторов. Однако в большей степени для меня значимо положение о том, что в дискурсе когнитивной семиотики вопрос о совершенстве знаковых систем выходит за рамки мифа о языке Адама. Опираясь на *метод моделирования* возможных объектов, я пробую создать принципиально иное, в сравнении с положениями теологов и культурологов [Карабыков, 2022; Brown, 2012], представление об адамическом языке и когнитивных возможностях его носителей. Статья является логическим продолжением ранее опубликованных работ автора [Бразговская, 2018; 2024].

¹ Тексты, использованные в качестве материала анализа, вынесены в конце статьи в отдельный блок и не входят в список научных источников, включая список *references*.

Язык Адама: критерии совершенной репрезентации

Адамический язык – язык прежде всего Рая. Носители русского языка не случайно этимологически и фонетически сближают слово «совершенный» с *верхом* и *верой*. Для исследователя не столь важно, существовал ли язык Адама на самом деле в качестве *Ursprache* человечества или стал следствием мечты о недостижимом идеале репрезентации [Стайнер, 2020, с. 26]. Здесь в игру вступает семиотическое «доказательство бытия»: наши высказывания об этом языке уже «свидетельствуют» о его существовании, по крайней мере в виде теоретического ментального конструкта.

Говоря об адамическом языке, большинство источников [Leonard, 1990; Brown, 2012] предполагает, что Господь передал Адаму в момент его создания то, что когнитивистика именует априорной языковой способностью (Д. Фодор, Н. Хомский) или языковым геном (С. Пинкер). Так, в «Потерянном Рае» Дж. Мильтона Адам сразу после пробуждения к жизни «себя осознаёт, лежащим на траве», и видит «вокруг холмы, долины, сень тенистых рощ»², вербализуя эти ощущения во внутренней речи.

Читая «Книгу Бытия», можно предположить, что совершенный язык при переходе от Бога к Адаму обрел звуковую материю. Ментальные образы получили физическое воплощение, и слово обрело тело. Для Адама первым атрибутом совершенства языка стала его «**осязаемость**». Требование материального носителя напрямую определялось телесностью человека, которому мир открывался в восприятии через органы чувств. В живой коммуникации слово не может функционировать как знак ментального словаря: законодатель должен *нести* на себе значения, т. е. быть материальным. Читаем у О. Токарчук: слово Бога, как и он сам, было бестелесным и не могло быть воспринято сотворенным миром³. Потому, создавая Адама, Бог дал тело не только ему, но и словам его. Так слова обрели звучание, а мир – явленность и «**присутствие**» (Х. У. Гумбрехт). Вот поразительная гипотеза, объясняющая, что Бог создал язык, дабы явить Себя,

² Мильтон Д. Потерянный Рай. Книга восьмая / Пер. с англ. А. Штейнберга. URL: <http://librebook.me/paradise-lost/vol1/8> (дата обращения 12.03.2024).

³ Несомненно, сходство этого замечания с положениями в работах Г. Вдовиной и Э. Жильсона, где язык Бога представлен как система *verbum mentis, ens mentale* – ментальных слов, ментальных сущих. Слово Бога было, как и он сам, бестелесным. Мир был задуман в божественной мысли, и сначала вещи обладали исключительно ментальным существованием – были понятиями, образами, представлениями [Жильсон, 2004, с. 241; Вдовина, 2021, с. 186].

преодолев собственную бесконечность, отсутствие своих начал и концов. В языке Он узрел себя и понял, кто Он есть [Tokarczuk, 1998, s. 55]. В «Теологическом трактате» Ч. Милоша сотворенные Богом вещи встали перед Адамом, умоляя его быть названными. Стань нашим Господином, властвуй над нами, пусть твое слово и наша сущность сольются воедино, дабы и мы обрели в слове жизнь [Miłosz, 2018, s. 1290]. И та же мысль у В. Андоновского:

...сущности наличествуют, только имея названия, которыми их можно именовать. Словами огорожена та часть мироздания, которая доступна человеку: не существует ничего другого, для чего нет буквы и слова [Андоновский, 2017].

Репрезентативный потенциал языка Адама описывается через **абсолютный иконизм** знака и референта: «слова и предметы были подогнаны друг к другу идеально, словно язык был нанесён на сами вещи, совпадая с ними как печать с оттиском» [Фуко, 1994, с. 99]. Для знаков этого языка была предусмотрена **истинная номинация** – не произвольная, а единственно верная и потому однозначная связь между именем и вещью:

В своей изначальной форме... язык... был вполне определённым и прозрачным знаком вещей, так как походил на них. Имена были связаны с теми вещами, которые они обозначали, как сила вписана в тело льва... Вещи и слова ещё не были разделены [Там же, с. 138].

Благодаря столь абсолютному способу отображения «наречие Рая было стеклом без изъяна, и свет совершенного понимания струился сквозь него» [Стайнер, 2020, с. 100]. Такой характер номинации соответствует представлениям о том, как видит мир Бог, сопрягая в одной точке прошлое, настоящее и будущее каждой вещи. Об этом принципе **семантического сжатия информации** – «Алеф» Х. Л. Борхеса и замечание В. Андоновского о мистическом визуальном языке, способном «запечатлеть соловья таким образом, чтобы картина содержала его самого и все его песни одновременно» [Андоновский, 2017].

Язык Адама как «лингвистический нонсенс»

И всё же задумаем над тем, является ли, с точки зрения когнитивной семиотики, совершенным язык, именуемый адамическим. Речь пойдет о его значительных «изъянах», которые выявляются в ходе размышлений о:

- а) репрезентативных возможностях системы;
- б) когнитивном потенциале тех, кто мог бы говорить на таком языке;
- в) том, почему эволюция не пошла по пути создания языка как «зеркала» мира.

Все признаки семиотического несовершенства Адамова языка становятся следствием номинации по типу *nominibus suis*, когда для каждой вещи предусмотрено только одно «истинное» имя.

Пирсовская семиотика отрицает возможность языка, в котором знак сливается с референтом, преодолевая «семиотический порог» (У. Эко) – границу между знаком и вещью. Знаконоситель, достигший абсолютного иконизма и ставший «чистым» знаком, перестает опознаваться в качестве *носителя* информации. Только в процессе отображения (не повторения) референта человек обретает относительную «свободу» от реальности: возможность говорить о прошлом, будущем, несуществующем, говорить со своей точки зрения.

Номинация *nominibus suis* не допускает возникновения категоризации – ни лексической, ни грамматической. Но если в языке райского совершенства были только имена индивидов, а не классов, Адам не мыслил! Протицирую «Фунес, чудо памяти» Борхеса:

...он был совершенно не способен к общим Платоновым идеям. Ему трудно было понять, что родовое имя «собака» охватывает множество различных особей... он был не очень-то способен мыслить. Мыслить – значит забывать о различиях, обобщать, абстрагировать [Борхес, 2003, с. 168–169].

Значит, язык был дан Адаму для отражения мира, но не для его познания (тогда наконец понятен запрет, связанный с райским яблоком). Более того, можно усомниться, что Адам развивал в ходе жизни чувственно-эмоциональное восприятие мира, поскольку оно непосредственно связано с возможностью репрезентировать в *отдельном* слове запах, звук, цвет, вкус, форму, характер тактильного ощущения.

При одновариантной репрезентации знаки не могут выражать точку зрения субъекта, менять значение под влиянием различных дискурсов. Отсюда в языке Адама не могло быть метафор. Лишенный столь важных для развития человеческой личности параметров прагматики и дискурсивности, язык не позволял Адаму создавать индивидуальную картину мира.

В силу полного слияния знака и вещи язык Адама предполагал абсолютную независимость от локальных координат речи. По этому параметру

он сходит с языком лемовских гиперкомпьютеров будущего – «языком полностью нелокальных Разумов». Но абсолютная внедискурсивность есть один из признаков семантически замкнутых систем, существование которых возможно лишь теоретически [Тарский, 1999]. Вновь сомнительно, что «полностью нелокальный» язык мог принадлежать разумному существу. И тогда возможен только один вывод: адамический язык является для культуры «лингвистическим нонсенсом»⁴.

Может, испытывая некоторое «сострадание» к языку Адама, У. Эко допустил эволюцию этой системы от одновариантной номинации к вероятностной репрезентации, омонимии и полисемии. Эко моделирует ситуацию, в которой Адам сначала рассматривает сотворенное Богом яблоко как «съедобное и красное», т. е. «хорошее». Но последовавший запрет есть этот плод одновременно поместил яблоко в класс «плохого». Возможно, Бог намеренно создал Запрет, дабы язык Адама и все потомки этой системы обрели потенцию *становления*. Господь, по Эко, изначально не рассматривал язык Адама как совершенный, поскольку система получает статус универсальной именно в силу своей стабильности – например, отсутствия изменений в диахронии [Эко, 2005, с. 155–175].

***Lament* о несовершенстве вербальных языков**

Анализ репрезентативных черт языка Адама показал, что признаки его семиотического «совершенства» закрыли бы двери перед эволюцией культуры, не позволив развиваться формам человеческого мышления. Тогда парадоксально, что со времен ренессансных мыслителей утрата мистической связи между словом и вещью осознавалась как болезнь языков, следствием которой стали зоны «непроговариваемого» и недуги самого мира [Фуко, 1994, с. 99, 102; Kołakowski, 1999, s. 235, 254]. Говоря на языках, возникших на обломках Вавилонской башни, мы видим мир, словно сквозь тусклое стекло, ведь наши имена не достигают бытия [Стайнер, 2020, с. 100].

В текстах многих славяноязычных авторов в буквальном смысле звучит *lament* – плач над несовершенством вербальных систем. Для выражения сущности Единого, – отмечает Андоновский, – необходимо столь же всеобъемлющее слово, но никто не знает его. Последовательно обозначая от-

⁴ Понятие «лингвистический нонсенс» польско-британский мыслитель Л. Колаковский использовал применительно к терминологическим системам языков философии и теологии [Kołakowski, 1999, s. 152, 275].

дельные атрибуты Единого, мы дробим эту сущность, и она перестает быть собой [Андоновский, 2010].

А вот аксиомы О. Токарчук. Язык создает образ предмета, а не воспроизводит то, какой он в действительности. Имена вещей есть нечто поверхностное, вещи легко меняют имена, оставаясь собою. Мы утратили язык Адама, и теперь любые попытки описать мир уничтожают его. В наших экфрасисах блекнут краски реальности, очертания предметов теряют форму, интенсивность жизни невыражаема. В итоге не следует рассматривать то, что написано, в категориях *правда* или *истинность*: это лишь нарратив, пространство неточных форм [Tokarczuk, 2007, s. 79; 2015, s. 31, 686; 2022, s. 49, 255].

Для Милоша человеческое знание о сотворенном мире приблизительно, поскольку ограничено возможностями языка. В частности, *Общее* всегда против *Единичного*. Индивидуальное и особенное язык обращает в класс, категорию. Для каждой вещи мира должно быть свое слово, но его нет. Создавая оду *вот этой* птице, я обнаруживаю, что она осталась недостижимой для языка и продолжает существование вне родового имени. Единственный (конечно же, невозможный) выход из этой ситуации: обрести «чистое» зрение, не искаженное вербальными номинациями [Miłosz, 2018, s. 483, 930, 984]. Язык «расчленяет» реальность, поскольку линейность синтаксиса сегментирует бесконечность на «до» и «после», создавая эффект улицы с односторонним движением, и только нелинейные повествования спасают литературу от шаблонов линейного языка [Павич, 2009, с. 99, 151].

В проблему «несовершенства» языка поэты включают вопрос о семантической неопределенности его лексических единиц. С. Лем уверен: споры о реализме – хроническая болезнь литературы [Лем, 2005б, с. 81, 87, 90]. Вот как В. Шимборская сожалеет о потере словами первичного иконизма:

Когда произношу слово *будущее*,
первый слог уже отошёл в прошлое.
Когда произношу *тишина*,
уничтожаю её.
Когда произношу *Ничто*,
создаю нечто, что выходит за пределы небытия⁵
[Szymborska, 2023, s. 517].

⁵ Текст приводится в моем переводе-интерпретации. – Е. Б.

В рамках вопроса о «несовершенстве» вербальных систем поэты размышляют также о потенциале отдельных языков: что и как они позволяют выразить. В одной из глав «Сада наук» («Язык и народы») Милош размышляет о влиянии польского языка на своих носителей. Как и каждый язык, польский, в определенном смысле, является «ловушкой», поскольку фонетически и грамматически создает определенные трудности для интеллектуальной работы. Так, развернутая группа твердых и мягких шипящих производит эффект звуковой «костлявости». Многосложные слова и стабильное ударение лишают строку свободного ритма. Грамматика вынуждает философа и поэта «тормозить мысль», ставя на первое место «что», а уж потом «какое оно». Недостаточность абстрактных терминов заставляет прибегать к заимствованиям. Но за этими положениями – чеканный вывод Милоша: у каждого языка собственные «болезни» и собственная энергетика; цени то, что имеешь, учись использовать потенциал языка, на котором пишешь [Miłosz, 1979, s. 121–138].

Пожалуй, только В. Шимборская не воспринимает совершенный язык как «потерянный Рай». Напротив, он вызывает у нее чувство ужаса и отвращения. В стихотворении «Страшный сон поэта» описан локус, по своим физическим характеристикам напоминающий Эдем: поэт обнаруживает себя в некоем подобии вечности, где смыкаются точки прошлого и будущего. Здесь не возникает желания вспоминать или предвидеть. В языке этого мира нет никаких «вольностей»: имена слиты с вещами, и это единственно возможный вариант номинации, а грамматика лишена сослагательного наклонения. Но ведь в таком языке никогда не возникнут поэзия, философия и теология. Признайте, – заключает автор сна, – что нет ничего более страшного для поэта [Szyborska, 2023, s. 579].

Языки после Вавилона: на пути к семиотическому совершенству

Должен ли существовать язык, собирающий в своих словах тотальность мира [Фуко, 1994, с. 119]? Лем отмечает, что философы по-прежнему продолжают работать над созданием теорий истинности, теоретики литературы определяют степень реалистичности изучаемого текста, поэты же допускают, что литература возникает из стремления поймать и вобрать мир в слово. Однако в современных гуманитарных исследованиях возникает *альтернативное* – когнитивно-семиотическое, а не мистическое – представление о совершенстве знаковых систем. Теперь оно кардинально

отлично от мечты о языке как зеркале реальности. Следует перестать рассуждать о том, насколько «точно» языки соотносятся с миром, поскольку репрезентативная «недостаточность» и есть проявление их семиотической оптимальности. Язык – для развития мышления. Эволюция выбрала для нас приспособление к обстоятельствам, а не совершенство. Всё, что претендует на универсальность (здесь и язык Адама), сдерживает развитие культуры [Лем, 2005б, с. 149; 2022, с. 38]. Рассматривая природу языка в социальном и биологическом контекстах, Н. Хомский считает необходимым включать вопрос о совершенстве языков в концепцию совершенства биологической жизни как таковой:

Стало возможно поставить практический вопрос о «совершенстве языка»: а конкретно, спросить, насколько близко устройство человеческого языка приближается к оптимальной реализации условий, которым должна отвечать система, для того чтобы быть хоть как-то пригодной к употреблению [Хомский, 2005, с. 89].

Но в чём именно заключается семиотическая оптимальность? Слишком примитивный ответ: в легкости овладения языками (меньше правил, минимум исключений). Гораздо значимее положения когнитивной семиотики: параметры, свидетельствующие, как кажется, о «несовершенстве» языков после Вавилона, в рамках культурной антропологии оборачиваются доказательством их семиотической безупречности.

Универсалии вербальных и невербальных языков, в частности, связаны с тем, как устроено тело самих говорящих. Так, актуализация системы фонем – их произнесение и восприятие – определяется возможностями речевого аппарата человека. Все варианты знаконосителей в невербальных языках (живописи, музыке, архитектуре и др.) также соответствуют каналам восприятия информации – нашим органам чувств. Следует отметить и когнитивные схемы, на базе которых рождаются метафоры. Так, в лексическую категорию «способен спать» О. Мандельштам с легкостью включает вазу («цветочная проснулась ваза»). Имея в виду телесные схемы метафор, Лем в романе «Глас Господа» отмечает поразительное понятийное сходство земных языков при всей их грамматической и другого рода разноликости.

В языке, в который мы вступаем с момента своего рождения, заложена возможность и необходимость свести мир (борхесовский сад расходящихся тропок) к «управляемому формату» (У. Эко). Используя аналогии и сходства, человек заключает всё существующее в классы и парадигмы.

Знаками упорядоченной реальности становятся энциклопедии и глоссарии, атласы и карты, средневековые бестиарии, периодическая система химических элементов и квинтовый круг тональностей. Любые систематизации работают как когнитивные фильтры, сквозь которые мы видим реальность.

Языковая прагматика как зависимость высказанного от дискурса речи и точки зрения субъекта позволяет говорящему относительно дистанцироваться от мира, смотря на него «со стороны», и в итоге совершенствовать свое становление в онтогенезе. Культура движется в направлении от мифа к логосу (М. Ямпольский) благодаря тому, что целостность объектов мира «расчленяется» в языковых дескрипциях, включающих имя вещи (*N*) и предикатные знаки (*P*) для индексации ее атрибутов и способов отношений к другим объектам. Отсюда неслучайное возникновение логического анализа языка (Г. Фреге) и неизбежность выделения философско-психологического понятия *квалиа*.

Нарративная стратегия *N est P* способствовала не только адаптации к существующей реальности, но и рождению «возможных миров». Наши языки достаточно совершенны, раз способны создать то, чего нет в физическом мире. Мы в прямом смысле творим свою реальность по слову (правда, в отличие от Бога, возможную), а значит, всё же владеем «адамовой тайной» (А. Тарковский). В Нобелевской лекции Токарчук обыгрывает этимологию слова *текст*, говоря о том, что мир – не что иное, как словесная ткань («świat jest tkaniną...»), что наши речевые практики подобны ткацким станкам. Сначала нечто возникает в воображении. Кажется, что оно лишено тела, но вот, облакаясь в одежды слов, возникает, начинает говорить, приобретает конкретные черты и теперь уже существует [Токарчук, 2020, с. 59].

Воплощаясь в слова, как в свое «другое тело», вещи способны преодолевать законы времени, гравитации, биологической жизни. В одноименном романе Павича книги сообщают своему умирающему автору, что после смерти станут его «другим» телом, что умрет только первое, второе же будет жить, как это произошло с Иисусом [Павич, 2020, с. 174]. Знаки спасают мир от умирания. В «Земле Ульро» Милош отмечает: люди, города и целые страны исчезают только потому, что не были «переведены» в знаки, что мы не нашли слов, способных остановить их уход [Miłosz, 2000, с. 66].

История культуры предполагает возможность сменяющих друг друга моделей познания, включающих приоритетные для каждого периода язы-

ковые способы репрезентации мира (*эпистемы* в «Словах и вещах» М. Фуко). В этом же ряду и становление индивидуальных языков – идиостилей, открывающих новые способы видения реальности, позволяющих сойти с проторенных дорог мышления. Токарчук отмечает: культура есть сложный процесс удержания равновесия между языком индивида и языком социума. «Общий» язык подобен давно освоенной дороге, идя по которой видишь мир с привычной архитектурой значений. Личные же языки напоминают тропочки, которые каждый из нас прокладывает прямо сейчас, создавая собственный мир. Нет более страшной болезни, чем утрата индивидуального языка. Литература здесь – лучшая терапия [Tokarczuk, 2020, s. 59].

Когда встает вопрос о семиотической безупречности знаковых систем, становится ясно, что не следует говорить о потенциале каждой из них в отдельности, поскольку совершенна их *дополнительность*. Каждая получила в эволюции свою специализацию – определенный репрезентативный потенциал, предполагающий систему ограничений: что и как можно выразить. Так, за знаками вербальных языков прежде всего закрепились функция индексации предметов, свойств и отношений, тогда как языки визуальной коммуникации способны создавать эффект достоверности изображенного. Картина не в силах сказать, что вот «этого нет» [Worth, 1981], а язык музыки, актуализируя в звуковысотном и динамическом рисунке характер и направление движения, не может показать того, кто движется.

В анализе когнитивно-семиотического потенциала вербальных и невербальных систем расширяет свое значение аксиома Л. Витгенштейна: границы моих языков и есть границы моего мира. Вот почему мы эволюционно запрограммированы на полилингвальность культуры. Наши языки автономны только как объекты описания. В актах коммуникации они, теряя самостоятельность, образуют бинарные структуры, в которых за спиной слова стоит невербальная «картинка» замещенного объекта (визуальная, тактильная и др.). Дополнительность вербальных и невербальных систем (двойное кодирование информации у А. Пайвио, бленд Ж. Фоконье, «живое понятие» В. Зинченко) позволяет в процессе чтения «видеть» то, к чему отсылают слова, – создавать ментальные образы, порой не отличимые степенью отчетливости от реального чувственного восприятия. Отсюда очень точное название книги известного иллюстратора П. Менделсуна: «Что мы видим, когда читаем» [Менделсун, 2016]. Дополнительность языков – это «противоядие от унификации вербального языка», от того, чтобы

считать его единственно важным для человеческого мышления. Знание и сознание, чтобы быть живыми, должны быть представлены на многих вербальных и невербальных, системах [Зинченко, 2010, с. 198].

Но и на этом нельзя ставить точку. Совершенство человеческого мышления определяется неразрывностью языкового сознания, нашего тела и физической реальности. Когнитивистика определяет этот феномен как «расширенное сознание». Сознание «воплощено» в тело (*embodied cognition*), поскольку все метафоры и когнитивные схемы имеют исключительно телесную природу. Но при этом оно «выходит» за его границы, встраиваясь в окружающую среду, охватывая познаваемые объекты (*extended mind*) [Chemero, 2011; Clark, 2008; Rowlands, 2010]. Именно так Э. Дикинсон описывает состояние, когда она смотрит на небо и четко осознаёт, что ее разум и небо составляют единое целое, что одно есть часть другого:

the brain is wider than the sky,
For, put them side by side,
The one the other will include
With ease, and you beside ⁶.

Феномен «расширенного» сознания растворяет границу между субъектом, реальностью и словом. В этой точке рассуждений возникает понимание того, что эволюционно все языки настроены на вероятностную, многомерную и в этом смысле совершенную адаптацию к реальности.

Заключительные замечания

Говоря о семиотическом совершенстве языков человека в контексте когнитивных исследований, следует просто изменить подход к пониманию того, в чём именно оно проявляется. А для этого надо выйти из «репрезентативной» парадигмы лингвистики. Языковая сложность – важнейший довод в пользу совершенства «несовершенных» систем. При этом культура не может и не должна отказываться от поиска Абсолюта: эта мечта запускает ее движение вперед. Идея совершенного языка вновь и вновь возникает на горизонте интеллектуальной истории [Kołakowski, 1999, s. 219, 237]. Эта мечта относится к системе «зачинающих» феноменов культуры, которые, как семя, дают жизнь огромному числу ее сюжетов и нарративов.

⁶ Dickinson E. The complete poems of Emily Dickinson. URL: <http://www.bartleby.com/113/> (дата обращения 12.03.2022).

Все мы, созданные «по образу и подобию», преданные слову, обращенные к слову, стремимся отшлифовать язык так, чтобы сквозь знаки была видна реальность. Мы мечтаем о языке, способном выразить и материю мира, и смутную интуицию, и даже то, что лежит за границей вербального выражения [Токагчук, 2015, с. 809, 811]. Отсюда положение, которым Шимборская завершает Нобелевскую лекцию: «похоже, что у поэтов всегда будет много работы» [Szymborska, 1996].

Список литературы

Бразговская Е. Е. В лабиринтах семиотики: Очерки и этюды по общей семиотике и семиотике искусства. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. 224 с.

Бразговская Е. Е. Семиотическое «совершенство»: от мифологий к реальности // Семиозис и культура: стратегии и практики межкультурного диалога: Коллективная монография. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. П. Сорокина, 2024. С. 39–54.

Вдовина Г. В. Химеры в лесах схоластики. Ens rationis и объективное бытие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 440 с.

Жильсон Э. Философия в средние века: от истоков патристики до конца XIV века / Пер. с фр. А. Д. Бакулова. М.: Республика, 2004. 678 с.

Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М.: ЯСК, 2010. 592 с.

Карабыков А. В. Грёза Ренессанса: язык Адама в европейской культуре XV–XVII веков. СПб.: ИД РХГА, 2022. 215 с.

Либера А. де. Средневековое мышление / Пер. с фр. О. В. Головой, А. М. Руткевича. М.: Праксис, 2004. 368 с.

Менделсун П. Что мы видим, когда читаем: феноменологическое исследование с иллюстрациями / Пер. с англ. Л. Трониной. М., 2016. 448 с.

Стайнер Дж. После Вавилонского смешения. Вопросы языка и перевода / Пер. с англ. В. Фролова. М.: МЦНМО, 2020. 645 с.

Тарский А. Понятие истины в языках дедуктивных наук // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М.: РОССПЭН, 1999. С. 14–177.

Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994. 406 с.

Хамахер В. Minima philologica / Пер. с нем. А. Глазовой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2020. 216 с.

Хомский Н. О природе и языке / Пер. с англ. П. Феденко. М.: КомКнига, 2005. 288 с.

Эко У. О возможности создания эстетических сообщений на языке Эдема // Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с итал. С. Серебряного. СПб.: Symposium, 2005. С. 155–175.

Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / Пер. с итал. А. Миролубовой. СПб.: Alexandria, 2007. 423 с.

Эко У. История иллюзий. легендарные места, земли и страны / Пер. с итал. А. Сабашниковой. М.: Слово / Slovo, 2019. 480 с.

Brown S. M. The Language of Heaven: Prolegomenon to the Study of Smithian Translation // Journal of Mormon History. 2012. No. 38 (3). P. 51–71.

Carapezza M., D'Agostino M. Logic and the Myth of the Perfect Language // Logic & Philosophy of Science. 2010, No. 8 (1). P. 1–29.

Chemero A. Radical embodied cognitive science. Cambridge, London, MA: MIT Press, 2011. 279 p.

Clark A. Supersizing the mind: Embodiment, action, and cognitive extension. Oxford; N. Y.: Oxford Uni. Press, 2008. 286 p.

Leonard J. Naming in Paradise: Milton and the Language of Adam and Eve. Oxford: Clarendon, 1990. 304 p.

Kolakowski L. Jeśli Boga nie ma... Horror Metaphysicus / Przekł. z ang. T. Baszniak, M. Panufnik. Poznań: Wydawnictwo Zysk, 1999. 288 s.

Rorty R. Nineteenth-Century Idealism and Twentieth-Century Textualism // Rorty R. Consequence of Pragmatism (Essays 1972–1980). Minneapolis: Uni. of Minnesota Press, 1982. P. 139–160.

Rowlands M. J. The New Science of the Mind: From Extended Mind to Embodied Phenomenology. Cambridge, London, MA: MIT Press, 2010. 269 p.

Worth S. Pictures Can't Say Ain't // Worth S. Studying Visual Communication. Philadelphia: Uni. of Pennsylvania Press, 1981. P. 162–185.

Список источников

Андоновский В. Пуп земли / Пер. с макед. О. Панькиной. М.: Азбука, 2010. 320 с. URL: https://bookscafe.net/book/andonovski_venko-pup_zemli-200069.html?ysclid=lfij1q9uiu534445309 (дата обращения 20.05.2024).

Андоновский В. Азбука для непослушных / Пер. с макед. О. Панькиной. М.: Центр книги Рудомино, 2017. 144 с. URL: https://royallib.com/book/andonovski_venko/azbuka_dlya_neposlusnih.html (дата обращения 18.04.2024).

Борхес Х. Л. Стихотворения. Новеллы. Эссе / Пер. с исп. М.: АСТ, 2003. 618 с.

- Лем С.* Молох / Пер. с пол. Б. Старостина. М.: АСТ Транзиткнига, 2005а. 781 с.
- Лем С.* Философия случая / Пер. с пол. Б. Старостина. М.: Транзиткнига, 2005б. 767 с.
- Лем С.* Глас Господа / Пер. с пол. К. Душенко. М.: АСТ Транзиткнига, 2022. 288 с.
- Мильтон Д.* Потерянный Рай. Книга восьмая / Пер. с англ. А. Штейнберга. URL: https://librebook.me/paradise_lost/vol1/8 (дата обращения 12.03.2024).
- Павич М.* Биография Белграда / Пер. с серб. Л. Савельевой. СПб.: Амфора, 2009. 319 с.
- Павич М.* Другое тело / Пер. с серб. Л. Савельевой. СПб.: Пальмира, 2020. 319 с.
- Dickinson E.* The complete poems of Emily Dickinson. URL: <http://www.bartleby.com/113/> (дата обращения 12.03.2022).
- Miłosz Cz.* Ogród nauk. Paryż: Unstytut literacki, 1979. 255 s.
- Miłosz Cz.* Ziemia Ulro. Kraków: Znak, 2000. 475 s.
- Miłosz Cz.* Wiersze wszystkie. Kraków: Znak, 2018. 1431 s.
- Tokarczuk O.* Podróż ludzi Księgi. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1998. 256 s.
- Tokarczuk O.* Bieguni. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2007. 456 s.
- Tokarczuk O.* Księgi Jakubowe. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2015. 912 s.
- Tokarczuk O.* Czuły narrator. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2020. 304 s.
- Tokarczuk O.* Empuzjon. Kraków: Wydawnictwo literackie, 2022. 396 s.
- Szyborska W.* Poeta i świat. 1996. Odczyt Noblowski. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/1996/szyborska/25586-wislawa-szyborska-odczyt-noblowski-1996/> (дата обращения 20.03.2024).
- Szyborska W.* Wiersze wszystkie. Kraków: Znak, 2023. 800 s.

References

- Brazgovskaya E. E. In the Labyrinths of Semiotics: Essays and Studies on General Semiotics and Semiotics of Art. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi Publ., 2018, 224 p. (in Russ.)

Brazgovskaya E. E. Semiotic “perfection”: from mythologies to reality. In: *Semiozis i kultura: strategii i praktiki mezhkulturnogo dialoga: kollektivnaya monografiya*. Syktyvkar: Sorokin SSU Press, 2024, pp. 39–54. (in Russ.)

Brown S. M. The Language of Heaven: Prolegomenon to the Study of Smithian Translation. *Journal of Mormon History*, 2012, no. 38 (3), pp. 51–71.

Carapezza M., D’Agostino M. Logic and the Myth of the Perfect Language. *Logic & Philosophy of Science*, 2010, no. 8 (1), pp. 1–29.

Chemero A. *Radical embodied cognitive science*. Cambridge, London, MA, MIT Press, 2011, 279 p.

Chomsky N. About nature and language. Moscow, KomKniga Publ., 2005, 288 p. (in Russ.)

Clark A. *Supersizing the mind: Embodiment, action, and cognitive extension*. Oxford; N. Y., Oxford Uni. Press, 2008, 286 p.

Eco U. On the Possibility of Creating Aesthetic Messages in the Language of Eden. In: Eco U. *The Role of the Reader. Studies in the Semiotics of the Text*. St. Petersburg: Symposium Publ., 2005, pp. 155–175. (in Russ.)

Eco U. *The Search for the Perfect Language in European Culture*. St. Petersburg, Alexandria Publ., 2007, 423 p. (in Russ.)

Eco U. *History of Illusions. Legendary Places, Lands and Countries*. Moscow, Slovo Publ., 2019, 480 p. (in Russ.)

Foucault M. *Words and Things: Archaeology of the Humanities*. St. Petersburg, A-cad Publ., 1994, 406 p. (in Russ.)

Hamaher V. *Minima philologica*. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2020, 216 p. (in Russ.)

Karabykov A. V. *The Renaissance Dream: The Language of Adam in European Culture of the 15th – 17th Centuries*. St. Petersburg, RHGA Press, 2022, 215 p. (in Russ.)

Kořakowski L. *Jeřli Boga nie ma... Horror Metaphysicus*. Transl. from Eng. by T. Baszniak, M. Panufnik. Poznań, Zysk Publ., 1999, 288p. (in Pol.)

Leonard J. *Naming in Paradise: Milton and the Language of Adam and Eve*. Oxford, Clarendon, 1990, 304 p.

Libera A. de. *Medieval thinking*. Moscow, Praxis Publ., 2004. 368 p. (in Russ.)

Mendelsun P. *What do We See When We Read: A Phenomenological Study with illustrations*. Moscow, Corpus Publ., 2016, 448 p. (in Russ.)

Rorty R. Nineteenth-Century Idealism and Twentieth-Century Textualism. In: Rorty R. *Consequence of Pragmatism (Essays 1972–1980)*. Minneapolis, Uni. of Minnesota Press, 1982. pp. 139–160.

Rowlands M. J. *The New Science of the Mind: From Extended Mind to Embodied Phenomenology*. Cambridge, London, MA, MIT Press, 2010, 269 p.

Steiner D. *After the Babylonian Confusion. Issues of language and translation*. Moscow, MCNMO Publ., 2020, 645 p. (in Russ.)

Tarsky A. The concept of truth in the languages of deductive sciences. In: *Philosophy and logic of the Lvov-Warsaw school*. Moscow, ROSPEN Publ., 1999, pp. 14–177. (in Russ.)

Vdovina G. V. *Chimeras in the forests of scholasticism. Ens rationis and objective being*. St. Petersburg, Hecren RSPU Press, 2021, 440 p. (in Russ.)

Worth S. *Pictures Can't Say Ain't*. In: *Worth S. Studying Visual Communication*. Philadelphia, Uni. of Pennsylvania Press, 1981, pp. 162–185.

Zhilson E. *Philosophy in the Middle Ages: From the Origins of Patristics to the End of the Fourteenth Century*. Moscow, Respublika Publ., 2004, 678 p. (in Russ.)

Zinchenko V. P. *Consciousness and the creative act*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2010, 592 p. (in Russ.)

List of Sources

Andonovsky V. *ABC for the naughty*. Trans. from Macedonian by O. Pankina. Moscow, Rudomino Publ., 2017. 144 p. (in Russ.) URL: https://royallib.com/book/andonovskiy_venko/azbuka_dlya_neposlushnih.html (accessed: 04.18.2024).

Andonovsky V. *The Earth's navel*. Trans. from Macedonian by O. Pankina. Moscow: Azbuka, 2010. 320 p. (in Russ.) URL: https://bookscafe.net/book/andonovskiy_venko-pup_zemli-200069.html?ysclid=lfij1q9uiu534445309 (accessed: 20.05.2024).

Borges J. L. *Poems. Novellas. Essays*. Trans. from Spanish. Moscow, AST, 2003, 618 p. (in Russ.)

Dickinson E. *The complete poems of Emily Dickinson*. URL: <http://www.bartleby.com/113/> (accessed: 12.03.2022).

Lem S. *Philosophy of Chance*. Transl. from Polish by B. Starostin. Moscow, Transitbook, 2005, 767 p. (in Russ.)

Lem S. *Moloch*. Trans. from Polish by B. Starostin. Moscow, AST Transitbook, 2005. 781 p. (in Russ.)

Lem S. *The Voice of God*. Trans. from Polish by K. Dushenko. Moscow, AST Transitbook, 2022, 288 p. (in Russ.)

Miłosz Cz. *Land of Ulro*. Cracow, Znak, 2000, 475 p. (in Pol.)

- Miłosz Cz. Poems all. Cracow, Znak, 2018, 1431 p. (in Pol.)
 Miłosz Cz. The garden of science. Paris, 1979, 255 p. (in Pol.)
 Milton D. Paradise Lost. Book Eight. Trans. from English by A. Steinberg. (in Russ.) URL: [http: https://librebook.me/paradise_lost/vol1/8](http://librebook.me/paradise_lost/vol1/8) (accessed: 12.03.2024).
 Pavic M. Another Body. Trans. from Serbian by L. Savelieva. St. Petersburg, Palmira, 2020, 319 p. (in Russ.)
 Pavic M. Biography of Belgrade. Trans. from Serbian by L. Savelieva. St. Petersburg, Amfora, 2009, 319 p. (in Russ.)
 Szymborska W. All Poems. Cracow, Znak, 2023, 800 p. (in Pol.)
 Szymborska W. Poet and the world. The Nobel Lecture. 1996. (in Pol.) URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/1996/szymborska/25586-wislawa-szymborska-odczyt-noblowski-1996/> (accessed: 20.03.2024).
 Tokarczuk O. Empuzjon. Cracow, 2022, 396 p. (in Pol.)
 Tokarczuk O. Poles. Cracow, 2007, 456 p. (in Pol.)
 Tokarczuk O. Sensitive narrator. Cracow, 2020, 304 p. (in Pol.)
 Tokarczuk O. The Books of Jacob. Cracow, 2015, 912 p. (in Pol.)
 Tokarczuk O. The Journey of the people of the book. Cracow, 1998, 256 p. (in Pol.)

Информация об авторе

Елена Евгеньевна Бразговская, доктор филологических наук, профессор
 Scopus Author ID 56426475500

Information about the Author

Elena E. Brazgovskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor
 Scopus Author ID 56426475500

*Статья поступила в редакцию 01.04.2025;
 одобрена после рецензирования 10.05.2025; принята к публикации 10.05.2025
 The article was submitted on 01.04.2025;
 approved after reviewing on 10.05.2025; accepted for publication on 10.05.2025*